

НАДЕЖДА ШОРКИНА

Покинутые

ПРАВДИВЫЕ
ИСТОРИИ
О ТРАГИЧЕСКИХ
СУДЬБАХ
И ПОИСКЕ
СЧАСТЬЯ

« Маленький воришка, одинокая бабушка,
влюбленная до безумия девушка
и умственно отсталый бродяга —
загляните в жизненную историю каждого »

Надежда Николаевна Шоркина Покинутые. Правдивые истории о трагических судьбах и поиске счастья

Серия «Записки российских блогеров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69740620

*Покинутые. Правдивые истории о трагических судьбах и поиске
счастья / Надежда Шоркина: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-193471-2*

Аннотация

«Историй, из которых состоит эта книга, много в нашей стране. Таких разных и в то же время похожих друг на друга. У каждого – свой кризис. Когда я пишу эти истории в своем блоге, их часто комментируют так: «это про меня» или «в моем дворе тоже жил такой парень», «а у моей бабушки так произошло». Потому что у каждого в жизни был свой личный кризис.

Когда такой кризис был у меня, я плакала, а маленькая дочка гладила меня по голове и говорила: «Мамочка, не плачь, все будет каласё!»

Что помогает выживать мне и всем этим людям? Вера, что скоро настанет “каласё”».

Содержание

Предисловие	5
Икона	11
Воришка	14
Толик	17
Андрюшка	23
Эдик	26
Коська	31
Тонька	38
Дядяй	41
Хлеб	48
Артист	51
Пугачево	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Надежда Шоркина
Покинутые. Правдивые
истории о трагических
судьбах и поиске счастья

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Надежда Шоркина, 2023

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Предисловие

В детстве я любила добавлять в школьные сочинения цитату из Тютчева:

*«Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить».*

Улавливала ли я тогда всю ее глубокую суть – не знаю. Но прочувствовала до мурашек ее сейчас, в очень непростой для нашей страны период, когда все со стремительной скоростью летит... а черт его знает, куда. Может, в пропасть, – а может, это очередной этап возрождения государства из пепла. Уж слишком много в нашей стране было кризисов, затронувших поколение наших бабушек, родителей или вот наше – тридцати-сорокалетних людей, на чей век пришлось несколько финансовых кризисов, пандемия и СВО¹.

Я часто пишу о людях, которые переживали свой собственный кризис, – будь то финансовый, кризис отношений, кризис непонимания, кризис отчуждения, кризис потери. В

¹ СВО – специальная военная операция, начавшаяся 24 февраля 2022 года.
(Прим. ред.)

этом состоянии они оказывались никому не нужными, одинокими и отверженными. Просто потому, что помочь себе выбраться из этого состояния могли только они сами. И вырваться из замкнутого круга отверженности смогли лишь те, кто осознал это.

Какого-то известного финансиста спросили: что было бы с человеком на Западе, **столкнись** он с кризисом, подобным произошедшему в нашей стране в 90-е годы? Ответ был: «Он бы вышел в окно».

В России – паттерн выживаемости. Мама в моем детстве часто повторяла фразу «голь на выдумки хитра». Найти выход из любой, казалось бы, безвыходной ситуации – это про нас: выживать там, где другие не выжили бы, быть счастливым, даже если это счастье не вписывается ни в один из общеизвестных стандартов.

Мне было девятнадцать лет, когда я вышла замуж. Спустя полтора года мы с мужем и грудной дочкой были вынуждены переехать в огородный массив, в домик, где не было окон, двери и потолка. Думали, что это временно, но прожили там почти пять лет.

В годы жизни там, особенно зимой, я не чувствовала себя дома. Мне было очень холодно, неудобно, я украдкой плака-

ла, а маленькая Стася гладила меня по голове и говорила: «Мамочка, не пааачь, все будет каласе!» Но мне казалось, что «каласе» никогда не настанет. Я заходила в банки и узнавала, как можно взять ипотеку. Но уходила в отчаянии, потому что понимала, что никак. Нам – никак. Мы со своими мизерными зарплатами не сможем закрыть ее, даже если растянем на пятьдесят лет! А еще у нас не было денег на первоначальный взнос. Я мысленно возвращалась к садовому домику, а в ушах звенело от осознания безысходности.

Ненавижу холод! Как-то я написала об этом в своем блоге и нарвалась на критику. Мол, «у природы нет плохой погоды» и нечего жаловаться. Но любовь или нелюбовь к чему-то у каждого из нас складывается из жизненного опыта. Мой был такой.

Зимнее утро. На улице совсем еще темно. Я осторожно высовываю из-под одеяла ступню и тут же засовываю ее обратно. Брр! Как холодно. Но надо вылезать из своего теплого кокона наружу.

– Так! Собралась, тряпка, – подбадриваю я себя и рывком скидываю одеяло.

Кожа покрывается мелкими пупырышками. Я на цыпочках бегу к раковине, чтобы умыться ледяной водой, и немного прихожу в себя.

– Чисто теоретически я знаю, как собирается печь, – сказал мой папа.

Он долгое время был преподавателем в сельскохозяйственном училище. Как-то раз ему поручили вести дисциплину «Печное дело» – не могли найти учителя на этот предмет. Ему пришлось разбираться в этом искусстве.

И вот знаниягодились. Он не очень умело собирал по кирпичикам печь в подвале нашего дома. Эстетически она выглядела не очень, зато выполняла свою главную функцию – обогревала наше жилье.

От нее в дом шла огромная в диаметре металлическая труба, по которой дым выходил наружу. Именно она и являлась главным нагревательным элементом, отдающим свое тепло.

Через какое-то время муж сварил тепловую систему. По всему дому проходили трубки, по которым бежала нагретая от печи вода. А дымовую трубу я покрасила в розовый цвет и нарисовала на ней крупные розы. В те времена я еще умела рисовать. Я пыталась сделать наш загородный домик уютным.

Первые два года мы топили дровами. А потом муж переделал печку под угольную, и мы стали топить углем. Мелкая черная пыль летела через щели в подвале и заполняла весь дом. Потом она оседала на полу, на коврах, на стенах. Если провести по ним рукой, то оставался след. На кухне (это был старый дом из пеноблоков, оставшийся от старых хозяев) на стенах образовывался конденсат. Книги, посуда, бы-

товые приборы от влаги портились, покрывались плесенью. Дочка часто болела простудными заболеваниями. И немудрено: резкие перепады температуры зимой (вечером минус 30, утром всего плюс 10), угольная пыль, повышенная влажность. Когда она болела и лежала с высокой температурой, я ложилась рядом, укутывала нас одеялами и очень чутко спала, прислушиваясь к ее дыханию. И... молилась. Чтобы все было «каласе». А потом у дочери обнаружили туберкулезную палочку в крови и затащили нас по больницам, пичкая агрессивными препаратами и просвечивая легкие рентгеном (теперь все в порядке).

Спустя четыре года муж скопил сумму на первоначальный взнос, а я пошла искать работу с «белой» зарплатой, чтобы нам дали ипотеку. И через полгода работы в пресс-службе я начала собирать документы. Тогда нам одобрили нашу первую ипотеку.

В купленной квартире не было ремонта, все было старенькое, а сама она оказалась совсем небольшой. Но зато там тепло, не было нужды топить печь, а из-под крана лилась горячая вода. Мы были счастливы!

И таких обыкновенных историй много в нашей стране. Таких разных и в то же время похожих друг на друга. У каждого – свой кризис. Когда я пишу эти истории в своем блоге, их

часто комментируют так: «это про меня» или «в моем дворе тоже жил такой парень, а у моей бабушки так произошло»... знаю, это трогает читателей и не оставляет их равнодушными. Потому что у каждого в жизни был свой личный кризис.

Что помогает выживать этим людям? Вера, что скоро настанет «каласе».

Эта книга – моя попытка нарисовать паттерн выживаемости обыкновенного русского человека и усилить веру в то самое «каласе».

Икона

На дворе 50-е. Приказ по всему СССР: уничтожать церкви. Баба Лида и дед Миша были советскими людьми. Советскими, но верующими. Жили в Селтинском районе². Там в райцентре стояла красивая деревянная церковь. И вот поступил приказ сверху: сжечь.

Народ после войны обездоленный, нищий. Тащили из попавшей под удар церкви все, что в хозяйстве пригодится.

Мой дедушка родом из обеспеченной, но раскулаченной семьи. Родителей его сослали, а он все детство прожил с теткой. Я дедушку совсем не знала (он умер еще до моего рождения), но предполагаю, что его корни – одна из причин того, почему он один из немногих увидел ценность в иконах. Взял из церкви две. Все равно их участь – пылать в огне.

Одна была большая. Он завернул ее в газетные листы и понес домой. Другую, что поменьше, спрятал там же неподалеку (спустя время на месте ее уже не оказалось).

Пока шел с большой иконой, его спрашивали:

– Чего несешь?

– Зеркало домой купил!

Когда принес домой, бабушка ахнула: страшно такую дома держать. Загребут всех! Спрятали надежно на чердаке.

² Находится в Удмуртской Республике на территории Российской Федерации.
(Прим. ред.)

А когда волнения спали, спустили икону в избу. Мама говорит, что бабушка ей призналась, что постоянно слышала стук с чердака. Я не знаю, правда это или нет, – бабушка была очень мнительная. Но икону поставили в доме на самое видное место.

Я хорошо помню эту икону лет с пяти. Большая. По размеру, наверное, метр на полтора. Очень красивая, искусно написанная неизвестным художником. Сочные, насыщенные цвета, несмотря на ее возраст, не поблекли. На иконе был изображен образ мужчины (бабушка думала, что это Николай Угодник, мама позже сказала, что она ошибалась – это был Иисус Христос). Конечно, тогда я не знала, кто это. Красивый. Особенно цепляли глаза. Бабушка мне говорила:

– Отойди в один угол. Видишь, он смотрит на тебя. Отойди в другой – он опять смотрит на тебя.

Бабушка думала, что это волшебство. Я в свои пять – тоже. Это потом, когда я училась в художественной школе, я узнала, что у иконописцев был особый секрет: глаза на иконах должны быть расположены под определенным углом. Тогда складывается ощущение, что святой постоянно смотрит на тебя, куда бы ты ни встал.

И вот как-то я приехала к бабушке в гости в деревню, а у нее чего-то не хватает. Вижу, иконы в углу нет. Я удивленно смотрю на бабушку, а она в ответ:

– Украли...

Ничего больше мне не сказала. Она была расстроена, а

еще ей, видно, было стыдно, что позволила украсть семейную ценность.

Потом мы узнали от тети Тани, сестры моей мамы, что приезжали два «гастролера». В деревне подтвердили, что мужчина и женщина были неместные. Пришли, втерлись в доверие, угостили пожилую вдову. А бабушка жила одна и временами любила выпить. В итоге гости что-то подмешали ей в вино (или в водочку, кто ж теперь знает). Проспала двое суток. Проснулась – нет иконы, а их и след простыл. Никто не видел, откуда приехали и куда уехали.

Так и не стало в доме иконы, которая, по вере бабушки, оберегала ее дом. Бабушка стала хворать. А в начале 2000-х у нее произошел инсульт, после которого она прожила года два-три.

На самом деле это всего лишь картина. Да, ценная, да, красивая и дорогая. Но настоящая ценность – всегда в близких нам людях. Берегите их!

Воришка

Когда началась война, Митьке было всего четыре года. Отца забрали на фронт в первые месяцы войны. Митька смутно помнит, как его провожали.

Его отец и еще несколько деревенских мужиков сели в телегу, погрузили туда же вещмешки. Бабы были. Митька наблюдал за этим и не понимал почему. Ну, уезжают и уезжают, чего ж такого. Мамка ж рядом.

Мама Мити не так давно родила. Сестренка была смешная, пахла молочком. Присосется к мамкиной титьке и смешно посапывает. Митька то и дело с завистью поглядывал на Катюшку. Сладкое, небось, молочко-то? Но он уже большой, взрослый мужик. Когда его спрашивали, сколько годочков исполнилось, важно отгибал четыре пальца.

– Теперь ты за старшего остаешься, – как-то сказала ему мама. – Я работать в колхоз пойду. Ты за Катюшкой приглядывай, у коровы в хлеву почисти, картошки свари к вечеру.

Митька забылся, заигрался, про картошку вспомнил, когда проголодался. А хлев и вовсе не почистил. Мама вернулась к вечеру, вичкой³ с досады отхлестала, чтоб неповадно было от работы отлынивать.

Так и закрепились за ним эти обязанности, пока Катюшка

³ Вичка – тонкая, гибкая ветка. (Прим. ред.)

не подросла. Вставал ранехонько. Мать в четыре утра уходила на работу. Он тут же в хлев бежал. Хлев был общий на несколько домов, так что бежать приходилось дальше своего двора. Валенки отцовские большущие еще для него, Митька постоянно вываливался из них, поэтому до хлева добегал босыми ногами. А потом прыгал в теплую вонючую жижу в хлеву по самую щиколотку. Тепло...

Шел третий год войны. От отца никаких вестей. Мама работала на благо фронта в колхозе. Корову к тому времени у них давно забрали. Раньше хоть молоко прямо из-под коровы попить можно было. А теперь – лепешки из лебеды и сухого мха да гнилая картошка, та, что забыли при сборе урожая в земле. Летом можно было ягодами, грибами полакомиться. Всю рожь да пшеницу отправляли на фронт. Самое острое чувство, которое испытывал в те годы Митька, – голод: засыпал с мыслью о еде, просыпался с такой же мыслью.

К тому времени его определили помощником на кухню. Мать подсуетилась. Может, где чего и перехватит. Хоть не такой голодный будет. И правда – то и дело что-нибудь перепадало. Но каждый раз его начинала грызть совесть. Катюшка-то дома голоднущая.

В октябре женщины убрали картофель в поле. Обедали там же. Разожгли костер, а картофель в углях запекли. Когда все ушли обратно на поле, Митька разворошил золу и нашел пять-шесть картофелин. Оглянулся по сторонам – никого нет. Схватил картошку и за пазуху напихал, чтоб никто

не видел. Иначе страшное дело: одну женщину в деревне под суд отдали за то, что горсть зерна взяла своим детям.

А картошка горячая, жжет кожу под рубахой. Невыносимо так жжет. Митька со всей дури припустил домой. Пока перебежал через мост небольшой речушки, выронил. Не было мочи терпеть, на коже волдыри появились. Картошка рассыпалась по берегу. Митька спустился, немного остудил ее в воде, все так же озираясь по сторонам, и обратно за пазуху положил.

Домой прибежал и вывалил перед Катюшкой добычу. Довольный. Сам пару картошек вместе с горелой корочкой съел. Остальное – сестренке.

После голода от неожиданной порции пищи живот к вечеру невыносимо закрутило. Но юный организм справился.

Всю войну так и прожили. Голодно, холодно. Отец с фронта так и не вернулся. Остались Митька с Катькой сиротами. Но мама вырастила и подняла их сама.

Митька пошел служить в милицию. На пенсию вышел уже совсем в другой стране сотрудником МВД.

Когда появляются свои дети, начинаешь остро ощущать их возраст. Вот четыре года... ну что он может? Малыш же совсем. А Митька готовил, за сестренкой ухаживал, скот кормил. Чем не герой? И подвиги – они даже в таких простых вещах, как тот случай с картошкой.

Толик

Странная мрачная процессия шла по улицам деревни. Во главе – женщина, сорок с хвостиком, в синей выцветшей фуфайке и в платье чуть ниже колена в мелкий цветочек. Она держала в руках деревянный ящик. Это был маленький гробик...

Лида влюбилась в Мишу без памяти. Красивый коренастый парень с густыми черными выющимися волосами и серо-голубыми глазами. По слухам, в жилах его текла казачья кровь.

Как-то пришла Лида с сестрами в соседнюю деревню к родне, а там он. Время было послевоенное, мужчин не хватало, женихов надо было рвать сразу, с руками и ногами. Лидка и отхватила парня чуть младше себя.

Характер у Михаила оказался не сахар, кулак крепкий, голос грозный. Но Лида, привыкшая к авторитарности отца, с мужем не спорила никогда. Слушалась беспрекословно. Что сказал, то и делала. Выбатывала покорность, как и было положено женщине в те времена. Поэтому и скандалов в семье не было: нечего делить было. Мужик в семье – главный авторитет. Сомневаться в этом у Лиды не было причин.

Жили они небогато, хотя работали много. После войны тяжело было поднимать быт. Потом дети пошли. Родились шестеро детей с разницей в два года – пятеро девок и один

пацан.

Миша сначала работал в колхозе. На жизнь хватало, никто не голодал. Но кто-то доложил, что приемыш он в семье. Родных родителей отправили на поселение в Сибирь. Тяжелый им путь предстоял. Пожалели сопровождающие их сына, которому на тот момент было три года, и разрешили оставить у Марфы, доброй женщины, с которой родители Миши познакомились в поселке, мимо которого пролегал их маршрут. У той были свои шалопаи, но ей так приглянулся красивый голубоглазый кудрявый мальчонка, что оставила у себя. Так и вырос он в приемной семье.

...А теперь шесть своих голодных ртов. Прокормить столько детей оказалось совсем непросто. Еще и из колхоза погнали. Миша пошел работать на лесоповал.

Мужчины валили лес, женщины рубили ветки, а очищенные стволы деревьев связывали веревками в плоты, которые весной и летом сплавляли вниз по реке. А там уже другая бригада вылавливала и отправляла на пилораму.

На таком производстве год считается за три. Здоровье уходило ежеминутно. Однажды еще и зима суровая, под минус сорок, нагрянула. Простыл как-то Михаил. Лежал с высокой температурой, долго его лихорадило, то и дело заходился кашлем. На работу не смог выйти.

Лида когда-то мечтала учить детей. Старательно и аккуратно писала, каллиграфически выводила каждую букву. Папа ее хвалил и тоже мечтал, чтобы она стала сельской учи-

тельницей. Закупил ей книжки на следующий год (за восьмой класс). Но 22 июня Германия без предупреждения начала войну. Отец ушел на фронт, и уже в первые месяцы войны семье сообщили, что он пропал без вести. Мечты рухнули, разбившись о трудный быт.

В войну пятнадцатилетней девушкой Лида пережила голод. Когда лепешки приходилось делать из протертой сухой травы, она усвоила на всю жизнь, что хлеб – это роскошь. Каждую крошку со стола собирала подушечками пальцев и клала в рот.

Спустя несколько лет после войны Лида встретила Мишу.

После того, как Михаил заболел, сама пошла за него на лесоповал. Больничных раньше не было, отпускных тоже. А вместо денег они зарабатывали трудодни. За трудодни можно было получить продуктовые карточки и отовариться в магазине. Выбыл из строя – трудодень не заработал.

Несколько месяцев муж восстанавливался. Кашлял и харкал кровью. Врачи поставили диагноз – туберкулез. На тот момент с помощью специальной терапии вылечить заболевание стало уже возможно. Вскоре Михаил пошел на поправку.

Примерно в это же время Лида узнала, что беременна. Задержка уже большая. Как-то за заботами и тяжелым трудом в лесу упустила, когда последний раз были месячные. А про контрацепцию в те времена деревенские женщины не знали ничего. Сказала Михаилу, а он рассвирепел:

– Не видишь, что ли, что я еще слабый, не могу работать.

Чем думала? Что хочешь делай, а от ребенка избавляйся. Да и кто знает, чай, не мой. Нагуляла, наверное, на лесоповале, пока я тут лежал больной.

В соседнем селе жила бабка, которая подпольно делала аборт. Лидка бегом к ней.

– Не возьму грех на душу. Срок большой.

Лидка плачет, руки бабки целует, умоляет помочь. А та вскипела, схватила метлу и давай ею Лиду хлестать.

– А ну пошла отсюдова, бестия чертова, детоубийца!

...Миша встретил ее словами:

– Ну что? Сделала?

– Да, – соврала Лида.

От тяжелой работы она стала совсем тощая. Широкие кости выпирали. Живот рос медленно, так что скрывать удавалось долго. Но однажды во время работы Лиде стало дурно, она упала в обморок. Фельдшер осмотрел ее и выдал:

– Шла бы ты отсюда. Срок-то большой совсем, а труд тяжелый. Мне уборщица в медпункт нужна. Возьму к себе, пока не родишь.

Лида согласилась. Вскоре и от мужа скрывать уже не получалось. Он насупился, замкнулся, перестал с ней разговаривать. Смотрел на нее словно на пустое место.

Через месяц Лида родила. Ребенок был недоношенный и слабый. Прожил неделю от силы. Лида назвала его Толиком.

– На кладбище бы надо снести, – говорила она Михаилу.

– Обойдешься.

Миша сколотил небольшой ящик из остатков досок, положил туда крохотный трупик и пошел с ним за дровяник.

– Ты чего, окаянный, – с ревом набросилась на него Лидия, пытаясь отобрать ребенка. – Дай невинную душу спокойно похоронить. Не виноват он ни в чем...

Она пыталась отобрать ящик и расцепить сжатые до белых костяшек пальцы мужа. Тот отмахнулся от нее тяжелой рукой, отбросив Лиду в сторону.

Миша закопал Толика за дровяником. Лидия выла весь день. А на следующее утро встала спозаранку, разбудила двух средних детей, Танюшку с Колей, и позвала на кладбище.

Выкопала она его из земли. Спешно схватила ящик, слегка обмахнула от влажных глинистых кусочков почвы. Нацепила на голову нарядную косынку, накинула фуфайку, обулась в черные с широким голенищем резиновые сапоги и пошла на кладбище в райцентр. Колька с Танюшкой поплелись за ней.

На кладбище Лидия нашла место рядом со своими родными и выкопала небольшое углубление в земле. Туда поместила ящик и завалила его сырой землей. Аккуратно лопатой сформировала небольшой холмик. Замерла. Бросила лопату там же. Долго смотрела, беззвучно шепча какую-то молитву. Слезы то и дело скапливались в морщинках вокруг глаз и лились по ее щекам.

– Мама, мама, пошли домой, – потянул ее за рукав четырехлетний Колька.

Лидия очнулась. Вытерла рукавом фufайки лицо, размазав грязь по щеке, молча развернулась и пошла. Детишки за-семенили за ней.

Больше Толика никто не вспоминал...

Андрюшка

Мне лет восемь, я вся зареванная иду мимо кладбища. Меня трясет от страха. Но не из-за привидений, которых я нафантазировала в своей голове. Это страх того, что же будет.

Родная сестра моего папы много лет жила в другой стране. Вышла там замуж, там же родились ее дети – Сережка и Андрюшка. Они приезжали раньше в наше село раз в год или два и обязательно приходили в гости ко всем братьям и сестрам тети Вали.

В одно лето мы очень сдружились с Андрюшкой. Играли то в прятки, то в догонялки. Семья тети Вали жила у бабушки с дедушкой в деревне. А мы с папой приходили туда каждый день: папа – помогать деду с сенокосом, я – выпрашивать у бабушки лоскутки на платья для кукол и поиграть с Андрюшкой.

А у бабушки было очень интересно! Какие-то кладовки, закоулки, старый дом, хлева, поля... Есть где детям разгуляться, а вернее, разбежаться. И мы носились с Андрюшкой как угорелые.

И вот как-то играем в «ляпки»⁴, я убегаю со смехом. Андрюшка уже нагоняет. Я – в дом. Он за мной. Думаю, успею

⁴ Старинная русская народная игра, похожая на «салочки». (Прим. ред.)

перед ним дверь захлопнуть. Успела! Держу ее со своей стороны. Он толкает со своей. И в этот момент просовывает руку. А я не вижу, что его рука уже в проеме. Тяну с силой дверь. Вдруг раздается крик боли Андрюшки, я ослабила хватку и поняла, что натворила.

Бабушка всегда жалела Андрюшку – он родился без кисти – и когда увидела, что я прижала ему эту руку, страшно испугалась и разозлилась на меня.

– Шайтан-девочка! Бессовестная! Хулиганка! – бросала она в меня ругательства.

Я, горячая и обидчивая, тут же в слезы – и за дверь. Бежать, куда глаза глядят.

Мне казалось, что бежала я долго. Очнулась только когда оказалась у кладбища. Вздрогнула и остановилась.

Путь от нашего села до деревни бабушки и дедушки проходил мимо этого кладбища. В детской голове плодились тысячи фантазий про привидений, вурдалаков, маньяков и ведьм. Я никогда не ходила там одна. Страшно было.

Но обида на бабушку, муки совести за то, что натворила, страх перед тем, что будет с Андрюшкой, и папиным наказанием были сильнее. Нет, назад нельзя! Я поглубже набрала воздуха в легкие. И зашагала вперед, домой.

Когда оказалась дома, легла на свою кровать и горько заплакала. Рассказала маме о том, что произошло.

– Бабушка просто испугалась за Андрюшку, поэтому и наругала тебя. У нее просто обостренное чувство опеки к де-

тям с инвалидностью. К нашей Наташе, – у сестры с рождения ДЦП, – она тоже так относится.

Вечером пришел из деревни папа.

– А ты чего убежала-то?

– Я Андрюшке руку прижала, бабушка на меня сильно ругалась, и я думала, ты тоже будешь.

– Нет. Андрюшка ее успокоил. Объяснил, что ты случайно. Не хотела обидеть, не заметила просто. Просил не ругать тебя.

Если честно, в своем детсадовском возрасте я не встречала детей, которые не ябедничают и не обманывают, поэтому ожидала, что он расскажет всем, что я сделала это специально, из вредности, хулиганства. И что на меня, конечно, все будут ругаться.

А он поступил по-другому. По-детски благородно. Вернее, совсем не по-детски.

Я тогда почувствовала, как это важно для меня. Поняла, как важно поступать благородно, несмотря на боль.

Эдик

– Эдик, ты кто?

– Я маргинал!

– А кто такой маргинал?

– Где хочу пописаю, где хочу покакаю, где хочу посплю!

Когда мы с мужем поженились, стали жить с его родителями в частном секторе. Неподалеку от нас располагался дом. Его обитателями были повзрослевшие дети из многодетной неблагополучной семьи. Среди них жил и Эдик. На вид вполне здоровый тридцатилетний парень.

Эдик был дебил. Это не про принятие его обществом, а про его диагноз: в медицинских книгах так называют легкую степень умственной отсталости.

По поводу его происхождения ходили легенды. Его мать забеременела им, пока отец коротал срок в тюрьме. На тот момент, если не ошибаюсь, в их семье уже было двое детей. Эдик родился недоношенным и слабым. Когда батя вернулся, он побил свою неверную с досады, но ребенка все же оставил – а вдруг свой?

Эдик учился в специализированной школе среди таких же, как он. О своей уникальности не подозревал. По молодости даже успел жениться и родить дочь.

– Она толще меня раза в четыре, – говорил он про бывшую жену, – люблю толстущек. Есть за что обнять.

– Зачем развелся?

– А ее батя за нами подглядывал!

Эдик был добродушный, не жадный и вполне себе амбициозный. Его главная амбиция упиралась в два фанфурика⁵. Когда появлялись деньги, он пил все, что содержало спирт. Когда деньги заканчивались, шел работать: он оказался неплохим подсобником. Обычно бегал по улицам частного сектора и искал заказы (или они искали его). Главной фишкой продвижения его бизнеса было сарафанное радио.

– Старый дом надо разобрать. Кого бы нанять?

– Эдика.

– Дрова перетаскивать?

– Эдик поможет!

– Туалет почистить?

– Зови Эдика.

Когда мы переехали жить на огородный массив и муж решил бурить ручную скважину на воду, тоже позвали Эдика.

Эдик был небольшого роста, худощавый, загорелый, с выбитой верхней челюстью.

– Где зубы-то потерял?

– Возвращался поздно домой, решил через забор перемахнуть, не рассчитал – сорвался и зубами в этот забор.

Вспоминал и при этом забавно хихикал, демонстрируя нижнюю челюсть.

⁵ Фанфурик – просторечное, народное название 100 граммов этилового спирта.
(Прим. ред.)

Условий для трудоустройства Эдика было два: накормить и дать денег на спиртосодержащий напиток.

Ел Эдик безмерно! Мог проглотить все содержимое большой кастрюли за раз. Я удивленно расширяла глаза, когда он стремительно уплетал содержимое тарелки.

– Ну правильно, – говорил муж, – он ведь не знает, когда поест в следующий раз. Быть может, только через два дня, а может, только через неделю. Запасается.

Однажды его спросили:

– А ты бы смог на спор съесть крысу или воробья?

– Не-а! Воробей невкусный. Я один раз ощипал и пожарил. Одни кости, там и поесть нечего.

Кстати, Эдик отличался хорошим здоровьем. Наверное, ни разу за свою жизнь ничем не болел. По больницам не бегал. Даже зубы себе сам вырывал – это нам довелось увидеть своими глазами.

Однажды у него заболел зуб. Он попросил у нас плоскогубцы и прямо на наших глазах и вырвал. Экстремально!

Эдик вообще был еще тот экстремал. Когда мы купили свою первую квартиру, позвали его вытащить хлам от старых жильцов к мультдам⁶ и помочь перетащить мебель. Вдруг неожиданно в дверь позвонили. Это была мама мужа – строгая завуч коррекционной школы наподобие той, в которой учился Эдик. Видимо, он испугался ее осуждающего взгляда.

⁶ Мультда – грузовой стальной контейнер, используемый для сбора и перевозки мусора. (Прим. ред.)

да («выпимши» же был) – и пока она его не увидела, без предупреждения сиганул в окно. Мы жили на втором этаже хрущевки. Была зима. Он прыгнул в сугроб и побежал. Я очень переживала, что он повредил себе что-то, но через пару часов он прибежал обратно: забыл взять зарплату. Целый и невредимый. Забавно хихикал нижней челюстью над своей выдумкой – когда он смеялся, то делал это только оставшейся нижней челюстью, она неестественно тряслась.

Но однажды Эдик пропал: устроился на постоянную работу. Еще когда он помогал нам бурить скважину, его пригласила хозяйка местного коттеджа, владелица сети свадебных салонов. Дом у нее отапливался углем. Старый печник ушел, и она позвала работать Эдика.

С тех пор мы его видели редко, а потом он совсем из виду пропал. Встретили мы его на похоронах отца мужа. Он выглядел, как настоящий франт из начала 90-х: на нем были почти новенькие джинсы и джинсовая куртка.

– Ты куда пропал-то?

– Да мы ведь новые салоны в Москве открываем...

Деловой!

Через некоторое время хозяйки салона не стало. И постоянной работы у Эдика тоже.

Мы про него долгое время не слышали ничего. А спустя пару лет случайно узнали, что нет больше Эдика: сгорел заживо в строительной бытовке. Похоронил его родственник той самой хозяйки свадебных салонов.

Все соседи с улицы, где он жил, взгрустнули. Он был добрый малый, несмотря на свое пристрастие к спиртосодержащим напиткам.

Я знаю, что такие посты, как написанный мною про Эдика, набирают мало просмотров. Потому что они про печаль. Потому что общество не хочет думать про таких вот отверженных. Но удивительно, что в комментариях под постом меня ждала бурная реакция. Одни писали, что им жаль Эдика, другие – что не жаль и он сам выбрал такую жизнь. Но больше всего меня зацепил комментарий о том, что Эдик был по-своему счастлив в своей жизни. А ведь правда: я ни разу не слышала, чтобы он жаловался на свою судьбу.

Коська

Коська был патологический лгун. Врал он так искусно и филигранно, время от времени вплетая в свои рассказы реальные эпизоды своей жизни, что многие верили до последнего, пока последствия его лжи не всплывали уж слишком жирными обстоятельствами.

Познакомились мы с ним, когда я была примерно на седьмом месяце беременности. Мы с мужем тогда жили с родителями в их доме. Я сидела за столом на кухне на цокольном этаже, а они с моим свекром спустились и о чем-то долго разговаривали.

Коська был долговязым большеголовым подростком – светловолосым, с ярко выраженными веснушками. Одет скромно, постоянно себя одергивал и суетился, немного заискивая перед собеседником.

– Точно не краденый?

– Не-е-е, дядь Вить, взял у старшего брата. Ноутбук ему не нужен.

– Ну смотри у меня.

Дядя Витя торговал б/у техникой на рынке, и ему часто приходилось так вот «проверять на вшивость» тех, кто ее приносил. Сводилось все к тому, что он верил на слово. Но, как позже выяснилось, Коське доверять было нельзя.

Второй раз я встретила Коську, когда мы с мужем и ма-

ленькой дочкой жили на огородном массиве. Муж делал пристройку к основному дому – там планировали оборудовать теплый туалет и душ. Ему нужен был рабочий-подсобник, а тут случайно всплыл Коська.

– Я вместе с братом часто брал калым на стройке. Умею класть кирпич.

Так мы и взяли его к себе на работу. Парень он был неглупый, диалоги с ним было вести интересно. Он рассказывал какие-то невероятные истории, от которых я то и дело хохотала. Смех у меня звонкий и залиvistый – и, слыша его, Коська заливал еще и еще: видимо, очень нравилось ему меня веселить. Его истории казались такими невероятными, что я им ничуть не верила. Но было смешно.

А иногда он рассказывал очень грустные истории из его детства. И мне почему-то казалось, что тут он не врет. Рассказывал про старшего брата, который был для него настоящим авторитетом. Про местную «майскую» шпану, с которой он связался и попал в тюрьму по малолетке. Про маму...

– Она меня никогда не любила. Когда меня посадили, ни строчки мне не написала, ни одной передачи не принесла. Сказала просто – сам, мол, виноват!

– Да нет же, как мама может не любить своего ребенка? Это она от отчаяния так сказала, – успокаивала я его.

Время от времени в его речи мелькал зэковский жаргон: Коська понтовался. Подражал, наверное, своему брату, ко-

торый был его намного старше и по возрасту вполне вписывался в формат бандитов 90-х, жил «по понятиям». Видимо, в другом обществе это казалось круто. Но мой муж сразу это пресек:

– Давай тут без этого. Ты не на зоне. У меня тут жена и маленькая дочка.

Со Стасей он часто любезничал. Она много болтала на своем непонятном детском наречии, а он ее как будто понимал и поддерживал диалог. Когда он приходил, она радостно кричала:

– Дядя Котя, дядя Котя!

Вообще он был добрый малый, незлобивый. Хотя и обидчивый сильно, да и кирпич клал плохо – криво-косо и очень медленно. Я почему-то нервничаю, когда кто-то медлит. А тут ведь еще грязь все время таскается в дом. И так на протяжении многих дней.

Как-то, видимо, сказали мы ему что-то неаккуратно. Обиделся и на следующий день не вышел, и трубку не взял. Ну и Бог с ним.

Он вообще обладал уникальным свойством неожиданно пропадать и так же неожиданно появляться.

Не помню, как он возник в следующий раз. Кажется, когда мы проводили канализацию в дом: нам снова понадобились подсобники. Платили мы немного, сами были голодными студентами. Но, видимо, в нас видели душевных ребят –

нам можно было излить душу.

И снова все повторялось. Коська рассказывал то веселые истории, то грустные. На этот раз я узнала, что его мама сильно больна, у нее обнаружили рак. А еще – что у него есть девушка, и она ждет от него ребенка. И что он маме об этом рассказал, и та очень хочет с девушкой познакомиться.

– Мне кажется, она верит, что ты, женившись, образумишься. Она желает тебе счастья.

Его мама работала во флюорографическом отделении медсестрой. Заболела тяжело. Не справилась с болезнью, умерла. Коська сильно переживал утрату. После ее похорон он снова пропал. Наверное, на год или два.

Однажды нам на почту пришло «живое» письмо от Коськи. Он писал много слов благодарности – что муж мой ему как брат, что он ему многим обязан, что только он с дядей Витей к нему хорошо относились. Писал он из тюрьмы... честно говоря, после этого письма все несколько изменилось: теперь он в моих глазах был не просто парнем, который по дурацки отсидел по малолетке, а рецидивистом.

И вот он вернулся. Неожиданно заглянул зимним вечером к нам. Мы угощали его чаем на нашей нищей кухне и мучали вопросами. Вот только веселых рассказов больше не было.

– Как твоя Вера?

– Ее больше нет.

– А что с ней случилось?

– Дочка у нас умерла. От пневмонии. Скорую поздно слишком вызвали. А она сказала, что все это из-за меня. Я и ушел. Пожениться мы так и не успели. Для меня ее больше нет. Считай, умерла.

– Что дальше думаешь делать?

– Хочу нормальной жизни! Я раньше ходил в Центр для трудных подростков, занимался альпинизмом, меня очень хвалила руководитель. Обещала характеристику написать мне хорошую на работу.

Не знаю уж, получилось ли начать хорошую жизнь. Но попытки, видимо, были: познакомился с девчонкой романтично. Вступился за нее на ночной дискотеке, когда к ней пристали хулиганы. Она втюрилась в него по уши. А он ей предложил жениться.

– Я тебе говорю, дурак он! Ничего не получится у вас, – говорил мой муж его будущей жене.

– Я знаю, – хохотала та.

Позвали мужа по-дружески пофотографировать их свадьбу. Ну как «свадьбу» – просто торжественную церемонию в ЗАГСе. На фото два счастливых человека с обручальными кольцами на вытянутых вверх безымянных пальцах. У них даже сын потом родился. И с квартирой мама жены подсуетилась. Казалось бы, живи и радуйся, что все хорошо. Но с работой не ладилось. Ну не умеет он так – делать что-то под чью-то указку.

Пришел как-то к нам за характеристикой. Принес мне все

свои документы. Откровенно говоря, впервые в жизни держала их в руках: видимо, слишком мы доверчивые с мужем — ни разу не спрашивали. Разворачиваю свидетельство о рождении, смотрю имя и начинаю хохотать.

— Так тебя, оказывается, не Коська, а Елисей зовут? — хочу до колик и не могу остановиться.

— Да нет же, паспорт посмотри, это же свидетельство о рождении сына.

И действительно: документы были подлинные. Я написала ему характеристику, отметив, что он у нас работал подсобником, помогал по хозяйству, внесла данные документа, распечатала и расписалась.

Кажется, его тогда никуда и не взяли. Встретили мы его снова спустя полгода — теперь он важно раздавал распоряжения на стройке торгового центра. Мы ему не верили, думали, опять врет. Возможно, нам он не врал, но вот когда устраивался на работу, навешал лапши на уши кадровикам по полной. И ведь, наверное, очень уверенно **навешал**, раз его взяли.

А еще он познакомился с девушкой, которая жила за городом у речки. Позвал нашу семью на пляж, сказал, что знает хорошее место. А как позже выяснилось, он шел знакомиться с ее семьей вместе с нами: мы, видимо, вызывали доверие. Кажется, его жена при этом даже еще не была в статусе бывшей.

Но спустя какое-то время девушка с рыданиями звонила

нам и рассказывала, что Коська у нее занял много денег и пропал. Искала его через полицию. И с работы его погнали: ТЦ так и не строился, руководство смекнуло, что к чему. Махинация Коськи с треском провалилась.

С тех пор мы его больше ни разу не видели. Но однажды, листая ленту новостей, муж увидел сообщение от «ЛизаАлерт» – общественной организации по поиску людей: «Разыскивается Константин Широбоков, приметы... одет был...»

Причем место поиска значилось как совсем далекое от нашего города. Куда он снова влип, можно только догадываться. Сообщения, что он нашелся, так и не последовало. Так и сгинул, пропал без вести. А ему было только тридцать с небольшим.

Тонька

Тонька была неисправимым романтиком и мечтала о принце. В ее 38 у нее было точно не меньше сотни романов, некоторые из них длились не больше часа, а от некоторых появились на свет дети – их у нее было пятеро.

Я редко об этом рассказываю, но когда Стася была маленькой и нам еще не дали путевку в сад, я на полставки устроилась методистом в Центр профилактики социально значимых заболеваний. Мы сотрудничали с благотворительными фондами и ездили в рейды, целью которых была помощь семьям с проблемами наркомании и алкоголизма. Несколько раз добровольцем вызывалась и я. Так я и познакомилась с Тонькой.

Антонина, Тоня – или просто Тонька, как окрестили ее соседи, – была мамой многодетного семейства и матерью-одиночкой, два в одном. Растила детей одна. Без мужа. Был ли он когда-то? Кто его знает. Любовь-то точно была! Как без нее. Каждый раз Тоне казалось, что вот он – принц на белом коне. Но через пару месяцев – а то и дней или даже часов – оказывалось, что прошла любовь, завяли помидоры. Просто на фабрике, где производят принцев, ее коробку недоукомплектовали. Забыли туда положить принца. Из-под картонной крышки ей игриво улыбался только конь: если повезет – в пальто, а если не очень – то в синей фуфайке. И прихо-

дилось пересылать недокомплект обратно. Бандеролью. Еще и за свой счет.

Но Тоня не теряла надежды. Возможно, осталось совсем чуть-чуть подождать. Она отчаянно заигрывала с Димой, нашим водителем. Строила ему глазки, ласково терлась плечом о его плечо, улыбалась ему ртом без двух зубов с одной стороны – может, сами выпали, а, может, потеряла в неравном бою с сожителем.

– Она мечтает, что очарует олигарха и уедет с ним на Багамы. А сама... ты посмотри на нее. Лицо, опухшее от пьянки, кожа увядшая, серая, двух зубов не хватает, одутловатые пальцы на руках, шмотки с чужого плеча. И дети. Куда она их денет? В детдом разве. Да какому олигарху она нужна?

Тоньке уже не раз угрожали, что заберут детей. Она искренне переживала. И старательно делала в дни проверки уборку, готовила и стирала. Наверное, в своем понимании Тонька была идеальной матерью.

– А вы чего всем семейством-то на улицу выперлись? – спросил Димон.

– Клопов травим. Вот паразиты, кусаются так больно. Несколько комнат в общежитии обработали. Запах стоял невыносимый, вот они и вышли.

Мы привезли два огромных чана. В одном – еще теплый борщ, в другом – перловка с грибами. А еще сухие пайки: печенье, вафли, шоколадки, соки. Дети жадно разбирали пайки, накладывали в тарелки горячее.

Пока ехали к другой семье, Дима рассказал немного об Антонине: родила она рано, лет в пятнадцать. От кого – родным не сказала. Любила развлекаться, бегала на свидания. Ребенка скинула на бабулю. А потом бабули не стало, Тоньке только-только стукнуло 18 лет. Ее совсем понесло. Перебивались случайными заработками.

– Не, она не работала проституткой, – ответил на мой взгляд Дима. – Она просто любвеобильная. Все только о романах думает. Вот есть сказка про Золушку, а эта – про Тоньку. По крайней мере, она так думает. Или вот история по Наталью Водянову – она, кстати, тоже торговала на рынке.

Так и живет Тоня в ожидании счастливой и богатой жизни. Ищет, пробует принцев на вкус.

Пока ездили в рейды, встречали женщин с похожей судьбой. Натуры романтические, творческие – но считающие, что в этом мире их не понимает никто. Потому ищут счастье в крепких напитках и в новых кавалерах.

Дядяй

- Кто такой комбриг?
- Это папа Леши.
- А чем он занимается?
- Он композитор.
- Ой, ну и шуточки у тебя...

Этот разговор произошел у нас с Димой – другом моего тогда еще молодого человека, а теперь уже мужа, Леши. Я только хотела узнать о его семье чуть больше.

Я всего три раза в жизни встречала людей с абсолютным музыкальным слухом. Первым была аккомпаниатор детского хора, где я пела в детстве. Вторым – девочка Галя с занятий по сольфеджио, которая могла с точностью на слух записать все ноты на бумагу, всего один раз прослушав мелодию. Третьим – папа моего мужа, Виталий Шоркин, удмуртский самодельный композитор. Он играл на многих инструментах и легко мог на слух воспроизвести любое музыкальное произведение. Именно о нем я сегодня и хочу рассказать.

Он родился в деревеньке Байситово. Рос без мамы: она была жива-здоровая, просто второй раз вышла замуж, и у нее появилась новая семья, в которой Витя не прижился. Как-то пришли навестить его бабушка с дедушкой. Увидели, как тот сидит в уголочке один-одинешенек, и уговорили дочь отдать им сына.

Бабушка Мавра была Виталию неродная. У нее не было своих детей. Потому Витю она полюбила, как своего. Дед был строгий, уважаемый человек на деревне – тракторист в колхозе. Но и он души не чаял во внуке.

– Я рисую семейное древо в альбом Стасеньке (альбом первого года жизни), там ваша ветка дальше идет. Как ваших маму с папой звали?

– Меня воспитывали дедушка с бабушкой. Их я и считаю своими родителями. Их и пиши...

Он через всю жизнь пронес в себе синдром отверженности. Ему не хватило материнской любви.

– Отлично выглядите! – говорю я отцу мужа.

Мне девятнадцать. Я только попала в новую семью, к маме и папе Леши. Хотелось понравиться.

Тихонько шепчу мужу:

– У твоего папы такие белые ровные зубы. Я бы могла даже подумать, что ненастоящие.

– Прикинь, что Надя говорит... у тебя, мол, зубы-то ненастоящие.

Отец изменился в лице.

– Как ты только так могла подумать?! – с обидой в голосе спросил он.

Какая неловкая ситуация. Я краснею и готова провалиться сквозь пол. Видимо, после того, как покраснела, сразу побледнела. Поэтому он вдруг громко расхохотался и, отвернувшись на секунду, продемонстрировал съемную челюсть.

Моя догадка оказалась верной.

– Какая ты куколка! Как хорошо, что ты у нас появилась. А то я уж было подумал, что он, – отец кивнул на сына, – того... фиолетовый. Вон, живет у нас один сверху, на втором этаже. А у Лехи ж как раз раньше длинные волосы были, девушек рядом с ним мы не видели. Я уж было засомневался. Хохочет.

С детства он играл на гармошке на деревенских свадьбах. А еще гитары мастерил в подвале – черные такие, красивые. После армии поступил на оркестровое отделение «Куль-ка» в Ижевск. Так и закрутилась его музыкальная жизнь.

Композитор – это, по сути, изобретатель. Только музыки. Способность к изобретательству у него была в крови. Он постоянно что-то придумывал. И неважно, что именно. Когда в 90-е годы грянул кризис (а вернее, несколько), он придумал уйти в торговлю. Продавал свои кассеты. Музыка, слова и голос – его, авторские. По тем временам новое удмуртское веяние в музыкальной культуре: первый музыкальный альбом, записанный в студии. По его словам, кассеты были нарасхват. Такой вот начинающий шоу-бизнес.

Потом он продавал самодельную тушенку. Варили дома, закатывали в банки, он относил на рынок. А еще торговал заграничными шоколадками: «Сникерсами» да «Марсами». На дворе стояли 90-е годы – выживали, как могли. Его сын Леша, мой будущий муж, занимался в радиокружке. Мастерил магнитофоны. Когда появились сотовые телефоны, стал

ремонтировать и их. Отец смекнул, что на этом можно заработать. И они вместе стали продавать б/у магнитофоны и телефоны на рынке.

Я появилась в их семье как раз в это время. Однажды Виталий попросил меня нарисовать табличку для рыночного объявления – примерно метр на метр. Я старалась угодить, красивым каллиграфическим почерком всю ночь выводила буквы. Ему понравилось. Потом он попросил нарисовать еще одну. А затем еще. У меня был уже большой живот, седьмой или восьмой месяц беременности. Тяжело рисовать в наклон. Я пыхтела, но делала. Получилось уже не так красиво, как в первый раз. Отец разозлился и повесил эту табличку в туалет. Я горько заплакала.

Я в то время часто плакала. То ли гормоны беременности, то ли неприятие ситуации, то ли так я взрослела, превращалась из изнеженной маминой и папиной дочки в мудрую и сильную женщину.

– Для чего вы резиновую трубку приклеили на носик кра-на?

– Воду надо экономить! Так меньше разбрызгивается.

– Но ведь напор и так был небольшой... это какой-то «мартышкин труд», – рассмеялась я.

Я всегда говорила, что думаю. Не всегда это было уместно: я была еще совсем ребенком.

– Как ты смеешь пожилого человека обезьяной называть? – разозлился он.

На самом деле он не был плохим человеком. Он по-своему любил детей и жену. Заботился о животных. Мог приласкать чумазого малыша, который носился по их улочке в частном секторе. Но от того, что 90-е напрочь убили возможность реализоваться творчески, он злился. Эту агрессию он пытался маскировать алкоголем, но часто выплескивал на тех, кто был рядом с ним.

Битая посуда, скандалы, обидные слова – я не могла научиться это принимать как жизненный урок на стойкость. Меня многие спрашивают, как мы, студенты, решились переехать жить за город, жили бы, мол, с родителями. Я просто решила, что так будет спокойнее.

– Я скоро умру... – как-то сказал отец Леши.

– Не переживайте! Такие, как вы, живут долго. И мучают окружающих...

Я редко приходила в последнее время, чтобы меньше переживать. Пришла на день рождения мамы мужа. Его отец изменился: стал какой-то маленький, сутулый, сгорбившийся, с желтоватым со щетиной лицом. Совсем старик. Но ему еще не было 60 лет.

У него еще до того, как мы познакомились, обнаружили рак. Была операция, потом химиотерапия. Врачи говорили, что болезнь побеждена. Организм был ослаблен химией и алкоголем. Тем не менее он создавал впечатление вполне активного и энергичного мужчины. Но вдруг неожиданно сник. Произошел микроинсульт, потом пневмония... он по-

пал в больницу.

Я была в положении. Сдавала всякие анализы. Генетики сказали, что ХГЧ⁷ высокий, пугали страшными диагнозами. Я согласилась сделать прокол живота, чтобы взять пункцию. По ней определяли хромосомный набор. Результат должен был быть известен 23 мая. А у нашей дочки Стаси в этот день был выпускной в садике. Я заплела ее, закрепила прическу лаком и нарядила в бальное платье, а после дрожащей рукой набрала номер, по которому нужно было узнать результат исследования.

– Шоркина. Здорова. У вас будет девочка! Поздравляем!

Слезы текут от счастья. Я звоню мужу, говорю, что ребенок здоров, что дочка будет. Он расстроился, что дочка. Целый день потом не разговаривал со мной.

На следующий день дядя – «дедушку» на удмуртском – выписывали из больницы. Муж приехал его забирать. Рассказал про меня и о том, что анализ оказался хорошим, что девочка будет.

– Это хорошо, что девочка. В малине будешь жить.

Он был очень ослаблен антибиотиками. Ходить не мог. Но врачи сказали, что здоров – не имеют права задерживать. Купили даже ему ходунки. Привезли домой. Оставили одного буквально ненадолго. Соседка тетя Оля осталась за ним присматривать.

⁷ ХГЧ – особый гормон беременности, показывающий ее развитие и возможные отклонения. (*Прим. ред.*)

Около пяти часов вечера я забирала Стасю из садика. Вдруг звонок. Муж звонил. Он еще не начал говорить, а я обо всем догадалась.

– Дядя не стало...

Я плачу. Думала когда-то, что ни за что не буду плакать на его похоронах. Но мне было действительно жаль его. Наверное, потому, что он не прожил ту жизнь, которой был достоин, что не смог реализоваться, что болезнь подкосила его. Да в конце концов из-за своих жестоких слов: «Не переживайте! Такие, как вы, живут долго. И мучают окружающих...»

Мы рассказали нашей дочке Стасе, что у нее умер дедушка. Никакой реакции. Она любила дядя. Мы были в недоумении. А через пару дней нашли на ее телефоне SMS, адресованное ему:

– Привет! Ты где? Я скучаю.

Она просто не понимала, что такое умереть.

Когда-то я сильно на него обижалась. Он говорил мне грубые слова, задевал меня, говорил, что во мне мало жизненной энергии, и заставлял меня своими поступками шевелиться. Но я пишу и абсолютно не чувствую обиды – только огромную благодарность за испытания, за его мудрость, за понимание того, что в жизни нужно все время быть в движении, не ждать ни от кого помощи, а рассчитывать только на себя.

Хлеб

– Посмотрите все на Надю. Пусть ей станет стыдно.

Двадцать девять пар маленьких глаз строго смотрели на меня. А я готова была провалиться от стыда под парту.

Но обо всем по порядку.

В первый класс я пошла в шесть лет. Это был какой-то экспериментальный класс. Что-то среднее между детским садом и школой: у нас было полноценное трехразовое питание, тихий час и игрушки, но примерно с 9 до 12 мы учились, как в школе. Сидели за партами и изучали алфавит, арифметику и правописание.

В тот день я пришла пораньше. Наша нянечка уже крутилась в закутке хозблока группы. Готовилась к завтраку – планировала накрывать на столы.

Аромат горячего, только что испеченного хлеба сводил с ума. И я не удержалась. Подошла к ней и попросила корочку хлеба. Она ласково улыбнулась и отрезала мне огромный ломоть.

– На здоровьице!

– Спасибо, – выпалила я, светясь от радости. И давай лопать.

Корочка звонко хрустела под моими молочными зубами, а мякиш таял во рту. Но я не рассчитала способности своего организма поглотить такое количество хлеба за раз. Уже и

завтрак прошел, и зазвенел звонок на урок.

«Куда деть хлеб? – пронеслось в голове. – Не на парте же его держать».

Решение пришло молниеносно. Я окинула взглядом группу и увидела мусорку, пулей добежала до нее, швырнула туда хлеб и вернулась обратно за парту. Все шито-крыто!

– Здравствуйте, ребята! Сегодня мы с вами проходим букву «ха», – начала урок Валентина Николаевна. – Какие слова на эту букву вы знаете?

Дети выкрикивали с места слова.

– А что у нас бывает на каждом столе?

– Хлеб!

– Умница, Катя.

И Валентина Николаевна рассказывала, какой это долгий процесс – изготовить хлеб. Сколько в него вкладывается труда. Сначала высаживается рожь или пшеница. Потом за ней ухаживают, она растет несколько месяцев. Затем ее собирают, промалывают, дробят, превращают в муку. Лишь потом делают тесто и пекут хлеб. Она рассказывала, как во времена ВОВ хлеб был на вес золота... как людям трудно приходилось без него, и жители нашего села пекли вместо хлеба лепешки из лебеды.

– А Надя сегодня выбросила хлеб в мусорку! – сдала меня соседка по парте.

В классе наступила гробовая тишина. Валентина Николаевна помолчала и через некоторое время произнесла:

– Как тебе не стыдно? Ребята, посмотрите все на нее!

Господи! Как же мне было в тот момент стыдно. Я то краснела, то бледнела. Мне хотелось провалиться сквозь пол. Мне хотелось прокрутить время назад и не выбрасывать тот хлеб. Нет, лучше совсем его не просить у нянечки... Это было такое яркое и сильное впечатление, что я до сих пор до мельчайших деталей помню тот день, ту свою ошибку.

Сейчас, спустя столько лет, я понимаю, что именно так, через такие ситуации, и закладываются ценности. Я для себя в тот день усвоила два урока: нужно уважать чужой труд и нельзя выбрасывать еду.

Артист

Я пообещала, что эта история никогда не станет достоянием общественности, потому что в ней замешаны очень известные люди. Но она проливает свет на многие вещи, из которых я извлекла важные для себя уроки. Поэтому я постараюсь максимально завуалировать детали и изменю имена.

После того, как я организовала мастер-класс Ирины Хакамады в Ижевске, мне поступило несколько предложений об организации выступлений известных артистов федерального уровня в этом же городе. С артистами я еще не связывалась. Но дай, думаю, попробую. Опять же, опыт.

Я решила согласиться на предложение своей приятельницы, которая уже много лет живет в Москве. Она написала мне, что может помочь в организации концерта известного мистера N.

Прежде чем встретиться с Анной (назовем ее так), я решила основательно подготовиться и узнать об этом артисте все. Конечно, я знала о нем давно и даже смотрела фильмы с его участием, восхищаясь его творчеством. Но мне нужно было узнать, что это за человек. На тот момент я не понимала, зачем мне это надо, но интуитивно чувствовала, что мне нужно это знать. Стала искать интервью с ним в видеоформате, чтобы наглядно определить, насколько он искренний.

В итоге я посмотрела видеозаписи, и мне очень понрави-

лась его жизненная позиция. По его словам, он очень благородный человек, много лет живет с одной женщиной, очень ее уважает, честен с ней, не изменяет, любит и вообще у них очень доверительные отношения. Просто идеальный мужчина, подумала я. Надо брать.

Через какое-то время я списалась с Анной, чтобы вывести какие-то подробности. Оказывается, она с ним знакома давно и он даже как-то признавался ей в любви.

Вот это поворот. Совершенно неожиданно. Но я пыталась реабилитировать его в своей голове: вдруг подшофе ляпнул, вдруг в шутку, вдруг роль репетировал? Мы встретились с Анной. И она мне рассказала, как случайно с ним познакомилась. Тормозила машину – тогда еще служба такси не так была развита, каждый мог подработать, поэтому ловили попутку: а вдруг? – а там он. Она его не узнала. Села в машину, назвала адрес, он сказал, что ему по пути. Рассказывал ей всю дорогу про высокое искусство и все дела. Анна деликатно отвечала:

– У вас, наверное, очень творческая профессия.

– ...

Звезда в шоке. Разрыв шаблонов: его не узнали.

– Да, а вы меня не узнаете? – очаровательно улыбнулся N. Чтобы не огорчить, Анна сказала:

– Да-да, кажется припоминаю, что где-то я раньше видела ваше лицо.

– А давайте мы с вами как-нибудь встретимся? Сейчас от-

крыта весьма интересная выставка картин, не желаете сходить?

Почему бы и нет? Анна разбиралась в искусстве. Не в кабак же он ее позвал. Тем более, человек уже в возрасте, судя по разговору – интеллигентный, непристойных предложений не сделает.

Пошли они на выставку. А потом решили немного прогуляться по парку, пообщаться, обсудить искусство. Но их застукали папарацци. Анна была сильно напугана, как будто она сделала что-то постыдное, и стала прикрывать лицо руками. Мистер N предложил уехать в одно кафе, где их никто не достанет.

Это было какое-то тихое приватное место. Им действительно никто не мешал. Они проговорили несколько часов подряд, когда Анна спохватилась, что ей нужно домой. А он вызвался ее проводить. Было поздно, и она согласилась. Вот тут-то все и началось.

– Я ни о чем таком даже не думала. Но когда он шел сзади меня, я услышала его громкий шепот за спиной: «Родину бы продал за такую ж...»

Не про жену, не про женщину, а про то, что находится ниже спины.

Анна сделала вид, что не расслышала, но сильно смутилась. А как же жена, двое детей? Да и вообще она ему в дочки годится.

Но потом были звонки, стихи, ухаживания. Как это пре-

кратить? Анна сказала ему, что пока не готова ко всему этому. Он обещал подождать.

Через какое-то время он позвал ее поговорить. Она вышла к нему. Он сказал, что жить без нее не может, любит, хочет... другими словами, предлагал стать любовницей.

Анне не хотелось его обидеть, и она ему сказала, что не хочет увидеть свое фото вместе с ним в газете с громким заголовком о том, что у N появилась молодая любовница. На том и расстались. Но остались друзьями.

Пугачево

В тот день я услышала страшные взрывы. Я не сразу поняла, в чем дело. Оказалось, что горит склад боеприпасов в Пугачево в Малопургинском районе. До нас доносились лишь отголоски, а вот жители того района побывали в настоящем фильме ужасов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.